

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Синдром войны / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Спецназ. Офицеры).

ISBN 978-5-04-183273-5

Поселок Степановка в Луганской области заняли украинские военные. Эта местность идеально подходит для размещения дальнобойной артиллерии, и ополченцы понимают, что такое соседство может привести к катастрофическим последствиям. В поселок срочно выдвигается отряд отставного капитана ВДВ Алексея Стригуна. Бойцам приказано уничтожить противника и взять пару «языков». Солдаты Стригуна виртуозно справляются с поставленной задачей, но на обратном пути их вертолет терпит крушение. Выжившие бойцы самообороны вместе с пленными украинской армии укрываются в заброшенном селе и ждут помощи. Но помощь не приходит, а село занимает карательный батальон «Азов»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-183273-5

© Тамоников А.А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамонилов

ГЛАВА 1

Перемирие, объявленное Киевом три месяца назад, вступало в горячую фазу. Снаряды ложились не очень плотно, оставляли шансы на выживание. Степной поселок Мурга, расположенный на нейтральной территории, подвергался хаотичному артобстрелу. Взрывы гремели за северной околицей, рвали овраг, ткнувшийся за заброшенной силосной башней.

Пара снарядов долетела до центра поселка. В воздух взмыли обломки плетня, комья земли со свежесвыпавшим снегом. Ржавое ведро с цепью оторвалось от колодца, описало красивую дугу и вошло в штопор.

«Начинаем день с большой ошибки?» — с тревогой подумал Алексей, спрыгивая с брони БМП-2.

Он добежал до ближайшей рытвины за обочиной и махнул рукой бойцам, покидавшим боевую машину. Подчиненные ушли с дороги, залегли. Еще один снаряд, прилетевший непонятно откуда, разнес в щепки покосившуюся баньку.

Алексей Стригун — тридцатилетний капитан ВДВ в запасе, подтянутый русоволосый кре-

пыш, — раздраженно поморщился. Лучше бы минами забрасывали. Они тоже не подарок, но хоть предупреждают о своем прибытии тоскливым воем, оставляют пусть мизерный, но шанс добежать до укрытия.

Бойцов непризнанной республики засекли украинские наблюдатели, укрывавшиеся в лесу, и мгновенно отреагировали. Про перемирие и ничейную землю силовики решили забыть. Артобстрел продолжался — бестолковый, не эффективный, но весьма раздражающий.

Началось все с того, что некий доброжелатель из местных сообщил в Староброд, где стоял гарнизон ополченцев полковника Доревича, что в Мурге, по адресу улица Карбышева, 14, мирные жители прячут их раненых товарищей. Вывезти не могут, лечить нечем.

Разведывательно-штурмовая группа батальона подполковника Зимакова под командованием Стригуна получила приказ. Она почти мгновенно выдвинулась на 18 верст и на южной окраине Мурги попала под обстрел.

Противник в атаку не шел, бил из дальнего леса, что несколько снижало вероятность нарваться на засаду. Если бы украинцы ее готовили, то не стали бы себя обозначать. Но работать следовало осторожно. Снаряды все чаще залетали в восточную часть поселка.

Алексей передернул затвор «АКСа» и выглянул из канавы. Над Мургой плыли клубы дыма — горел заброшенный сеновал. Еще один снаряд разорвался на соседней улице. Бойцы его подгруппы уже покинули БМП. Машина одиноко торчала посреди дороги, вода орудийным стволом — точно принималась.

— Гоша, это Простор! — бросил в рацию Стригун. — Прием!

— Слушаю, командир! — с ярко выраженным кавказским акцентом отозвался механик-водитель Георгий Гавава.

— Уводи машину с дороги, не маячь! В ближайший огород, куда угодно, но чтобы духу ее тут не было!

— Понял, командир. А может... — Ох, уж эти вольнолюбивые закавказские народности!

— Гоша, первая заповедь! — взорвался капитан.

— Помню, командир, — отозвался механик. — Не бесить начальство!

Неуклюжая гусеничная машина, способная, впрочем, догнать степного зайца, ушла с дороги, проломила ограду и растворилась в чреве огорода и придомовых построек. Деликатностью вождения бывший дальнобойщик из Батуми, по неведомым мотивам оказавшийся в ополчении, не отличался. «Моя машина — мои правила», — любил он поговаривать в ответ на претензии к качеству езды. Убрал-

ся Гавава вовремя. Дорогу накрыли разрывы, и дышать от пороховой гари стало нечем.

Напевая под нос «А на нейтральной полосе цветы — необычайной красоты», в канаву съехал двадцатилетний Андрюха Левин, худой чернявый хохмач, бывший кровельщик-монтажник из Краснодона. Он отбежал подальше от начальства, размазал грязь по физиономии и смело высунулся из канавы.

— Молодцы хохлы, командир. — Парень ткнул пальцем в подбитый сарай. — Отличный выстрел.

— Нос убери, — посоветовал Стригун. — А то будешь потом в морге соседу по полке доказывать, что ты не высовывался.

— Да ладно, — отмахнулся Левин. — Не мамонт, не вымру. — Но на всякий случай храбрец опустил-ся пониже.

Разрывы сместились, гремели теперь на восточной околице. С цветами на нейтральной полосе было проблематично — настал декабрь. На восток Украины пришли морозы. Ночная температура опускалась до минус пятнадцати, днем слегка подрастала. Снег уже устлал землю, скапливался в низинах. Дули порывистые ветра, носилась поземка, солнце из косматых туч не выглядывало несколько дней.

Алексей бегло отслеживал обстановку. Бойцы из его подгруппы уже не светились, все попрятались.

Никого не зацепило. Похоже, укры засекли их на подходе к Мурге, а в самом поселке потеряли, падали вслепую.

За растерзанным колодцем матерился светловолосый Фрол Антоненц — боец киевского «Беркута», еще в марте «эмигрировавший» на Донбасс и не пожелавший оставаться в стороне от событий. Он выражался вычурно, узорчато, открывая новые склонения существительных — видно, ушибся при падении. Был бы ранен осколком, высказывался бы по-другому.

— Хорошо, что ватники нам выдали, — нарушил молчание Левин, отрясая снег с засаленного воротника. — Теперь мы оправдываем свое прозвище. А хохлы пусть мерзнут и завидуют.

В телогрейках, выданных на складе в Староброде, служило, похоже, не одно поколение советских солдат. Но старые фуфайки, как ни странно, грели, а бронежилеты под ними создавали дополнительный душевный комфорт. Над Антонцом сочным баритоном подтрунивал Евгений Гуляев, харизматичный сорокалетний здоровяк, когда-то служивший в труппе Донецкого драмтеатра, а до этого — прапорщиком по контракту в одной из закрытых ракетных частей.

Оставшиеся двое — Аким Котенко и Ян Шанько — находились на левом фланге. Первый слился в единое целое со столбом электропередачи,

второму надоело возиться в грязи, он сел на крышку погребца, стащил прохудившийся сапог и вытряхивал из него грязь. Эту парочку Алексей без нужды не доставал. Мужикам перепало в жизни. Оба молодые, слегка за тридцать, безвременно постаревшие.

Приземистый и угрюмый Котенко работал учителем истории в Горловке. Вся семья его погибла от взрыва снаряда, залетевшего в квартиру. Он в одно мгновение потерял жену, двух детей и вполне еще бодренькую мать.

Шанько — худой, перманентно бледный, неразговорчивый. В прошлой жизни работал машинистом в Макеевской дистанции пути. В ополчении с апреля. В начале сентября бойцы «Айдар» по доносу схватили в поселке Юбилейный его невесту Настю, изнасиловали всем взводом и отрубили голову. Он нашел ее, когда из поселка прогнали «защитников европейских ценностей», и похоронил. Умом не тронулся, но почти перестал разговаривать, превратился в машину для убийства. Временами его товарищам казалось, что Ян Шанько осознанно ищет смерти.

Обстрел не прекращался. Снаряды рвались в окрестностях заброшенной фермы, не причиняя никому вреда.

Андрюха Левин поежился и заявил:

— Что-то стало холодать, командир. Вот уроды,